

рядя под влиянием фразовой фонетики и интонации". На мой взгляд, нет надобности в таком сложном объяснении.

¹¹ *Shevelov G.* Op. cit., 209.

¹² Ср.: *Pokorny I.*, 887. Вокализм *ě* слав. слова еще полностью не объяснен. Другие индоевропейские примеры указывают на наличие *i*. Едва ли может быть принято во внимание постулируемое Чалыковым (Указ. соч. 28) влияние слова **nesti, nesq* в значении 'нести (о курице)', потому что оно представляет краткое *e*. Вероятнее всего, уже древний и.-е. аблаут (*i* : *eĭ* или *oi*), ср. сходные отношения чередования в праслав. **sněgъ* при лат. *nix, nivis* то же и *nivit* 'идет снег'

¹³ Ср.: *Чалыков М.* Указ. соч. 27.

¹⁴ Ср. также в связи с этим: *Schuster-Sewc. H.* // *ZfSl.* XVI, 1971, 1, 50 (примечание).

¹⁵ *Чалыков М.* Указ. соч. 28.

¹⁶ Ср. в частности: *Schuster-Sewc. H.* Os. *hnydom* '(so)gleich, sofort', ns. *ned dass. und Verwandtes.* Ein Beitrag zur Wortbildung im Bereich der Adverbien und Pronomina // *ZfSl.* XX, 3, 1975. 364—368.

¹⁷ Ср.: *Schuster-Sewc. H.* Jeszcze raz o etymologii słowiańskich nazw poziomki (*Fragaria Vesca L.*) // *Slawistyczne studia językoznawcze* 1987. 346—368.

¹⁸ Ср. *Szymczak M.* Nazwy pokrewieństwa i powinowactwa rodzinnego w historii i dialektach języka polskiego. W-wa, 1966. 71.

¹⁹ Ср. *Meiße A.* Общеславянский язык. М., 1951. 125; *Lehr-Splawiński T.* Zarys gramatyki języka cerkiewnosłowiańskiego na tle porównawczym. Wydanie trzecie. Kraków, 1949, с. 59: "въ и зь... имели первоначально -л в конце слова: въ-л- ≤ *ŋ, ср. лит. ĭ, зь ≤ зьл ≤ зьт, протоя.-е. *sm...*" *Vasmer III*, 564: "Праслав. редуцированное *ъл- из *ъл- по отношению к полной ступени *on...*".

²⁰ Ср.: *Belif J.* *Nastín česke dialektologie.* Pr., 1972. 79.

²¹ Ср.: *Dejna K.* *Dialekty polskie*, 222—223.

²² Ср.: *Lehr-Splawiński T.* Op.cit. 59: "Перед гласным началом следующей формы -л сохранялось в праславянском: *ъл-*jetъ*, *зъл-*jitъ* вследствие чего его начали рассматривать как принадлежащее местоимению: въ-*ietъ*, зь-*nitъ*, отсюда формы с *л* распространились в сочетаниях со всеми другими односложными местоимениями".

²³ Ср.: *Vademekum der Phonetik, Phonetische Grundlagen für das wissenschaftliche und praktische Studium der Sprachen, von E. Dieth* unter Mitwirkung von *R. Brunner*, Bern, 1950. 110.

²⁴ Ср. в связи с этим: *Michałk S.* Der Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962, 73: "...о *i* можно не прямо, а лишь косвенно сказать, что оно фонетически отличается от *i*"; *Schroeder A.* Die Laute des Wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz. Tübingen, 1958, 36: " *ĭ/j*, звонкий переднеязычный дорсальный узкий звук, после гласных тавтосиллабичен, полностью лишен фрикативного шума (*ŋ*)".

²⁵ Ср. *Handke K.* Kaszubsko-słowiańskie protetyczne *v-* przed nagłosowym *j-* oraz *i-* // *SFPS* 11 W-wa, 1972, 95—99.

В.И. Дегтярев

СЛАВ. **MĚSO* — **MĚSA*

Происхождение формы множественного числа

Общеслав. **měso* ср.р. в древних славянских языках, по данным памятников письменности старшей поры, имело два близких значения — обобщенно-вещественное 'мясо' (продукт питания) и конкретно-предметное 'живое тело; плоть' или 'туша (часть туши) животного'. Оба значения выражались преимущественно формами множ. числа: им.-вин. п. *маса*, род. п. *масъ*, дат. п. *масомъ*, твор. п. *масы*, мест. п. (въ) *масѣхъ*. В старославянских источниках — Синайской псалтыри, Евхологии, Енинском апостоле и Супрасльской рукописи это

слово зафиксировано только во множ. ч.; напр.: 1. Мясо. еда ѣмь мѣса юнѣча мѣ фѣуоцаи крѣа таѣров Син. пс. 63^b 12; вась насытѣтъ мѣса. мене же молитвы крѣа Супр.р. II. 10, 16—17; не имамъ мѣсъ ѣсти въ вѣкы Енин. ап. 36. 12—13; добро не ѣсти маѣ ни пити вина там же, 4а. 12. 2. Тело, плоть. Толико же стрѣганъ бысть стѣи бѣии мѣченикъ. дождеже мѣса ѣмоу падоша въ са на земли аѣ сѣркес Супр. р. X. 76, 20—22; в сѣкмоу недѣжоу ходацѣмоу по плѣти і скозѣ мѣса по жиламъ внѣтрѣнимъ Евх. 42а, 15; възбрани емоу всѣхъ пѣтеи. сѣциихъ по плѣти. скозѣ мѣса. і по жиламъ там же, 36а, 2—5 и др. Формы множ. ч. преобладают также в среднеболгарской и сербскославянской письменности, например, в среднеболгарском памятнике конца XII в. Охридском апостоле: не имамъ насти мѣсъ въ вѣкъ, л 55. VIII. 13; добро есть не насти мѣсъ, л 55 об. IX. 21; в древнесербском Шишатованском апостоле: не хоѣоу насти мѣсъ I. Сог. VIII. 13; добро не насти мѣсъ Rom. XIV. 21. В церковнославянских текстах древнерусской редакции или сугубо книжных, особенно переводных древнерусских источниках, как и в старославянских, слово *maso* употребляется преимущественно во множ. ч.: не соки и масы ласкрѣдоуѣштѣими братии горьчаишеке ласкрѣдиѣ, нъ въкоушаѣще и разоумѣваѣще, нако блаѣгъ гѣ Гр. Наз. XI в. 137 Срезневский II, 11; не ямъ мѣсъ въ вѣкъ Панд. Ант. XI в. 137 Срезневский II, 255; сѣдяхомъ надѣ котлы мясъ свиныхъ Исх. XVI 3 по сп. IV в. Срезневский I, 1304; привяза ся мясѣхъ ѣлтѣмевос тѣв креѣвн, tangens carnis Лев. VI. 27 по сп. XIV в. Срезневский II, стб. 1389 и др. Формы ед. ч. в вещественном значении равноценны формам множ. ч., например: зельѣ кѣсть чемеръ і бѣлень, капуста, а мясо выпеличѣѣ, воронѣѣ Мерило Прав. 67, 70, но употребляются в письменности старшей поры весьма редко. Так, в Хронике Георгия Амартола мн.ч. *masa* отмечено 16 раз, а ед.ч. *maso* — только 2 раза. В значении 'плоть; живое тело' ('мягкие места на теле, мускулы' и т.п.) также обычны формы множ. ч.: волить бо богатыи своихъ мясъ урѣзати, нежели погребеннаго злата Златоструй XIV в.; край масомъ Успенский сб. XII в., л 117а, 11; възъмъ тонаѣгъ, тольми ся бинаше по стегнома, нако же и мясомъ посинѣти Жит. Нифонта XIII в., 17 и др.

В западнославянских переводах христианских книг преобладают уже формы ед. ч. В старочешском языке *maso* имело оба указанных значения — 'мясо как продукт питания' и 'тело, плоть; туша животного'. Во втором значении оно синонимично слову *tělo*, например, в Жилинской книге: *pakli by udělal v maffe* (т.е. 'в теле') *rānu* 140 а.¹

Вместе с тем в старочешских переводах евангелия латинскому *caro*, как правило, соответствует слово *plť*, и, следовательно, ст.-чеш. *maso* ограничено в употреблении. Редкие в переводах псалтыри с латинского формы множ. ч. соответствуют латинскому мн.ч. *carnes* 'мясо' ~ 'куски мяса; тело', например, ст.-чеш. мн.ч. *masa* (наряду с ед.ч. *maso*): *čili budu jiesti maffa byková carnes taurorum* ŽKlem 49, 13² В более поздних текстах псалтыри здесь ед. число: *maffo bykov* ŽКар 49, 13, 27 а³; *maffo bykové* ŽWitt.⁴

В значении 'тело; плоть' встречаются редкие архаические формы множ. ч. в соответствии с латинским мн.ч. *carnes*, например: *meč*

moj sežre massa devorabit carnes ŽKlem. Deut. 42; *aby giedli massa má carnes* ŽKap 26. 2. Но и здесь преобладают формы ед. числа: *aby jėdli massa mé* ŽWitt 26. 2.

Как видно из сравнения различных по времени текстов псалтыри, в старочешском формы множ. числа единичны и отмечены лишь в старейших списках.

Ст.-польск. мн.ч. *mięsa*, наряду с ед.ч. *mięso* и в таком же значении, в старой письменности оказывается еще более редким явлением. Słownik staropolski фиксирует форму множ. ч. только один раз: род. п. *miąs [mąsch]*. 1434. *Ks Maz III nr. 525 (Sł. społ. IV, 248—249)*. Ср. в Флорианской псалтыри XIV в. ед. ч. *mięso* на месте форм множ. ч. в приведенных выше старочешских примерах: *Aza iescz bǎdǎ mǎso bicow carnes taurorum Fl. 49, 14; bichǎ iedli mǎso moie carnes meas Fl. 26, 3.*⁵

Тенденция очевидна: в более позднее время формы множ. ч. как архаичные в вещественном значении 'мясо' последовательно вытесняются формами ед. ч., утвердившимися в качестве узуальных форм для выражения обобщенного понятия вещества (продукта), а во втором, предметном значении — 'тело; плоть' используются синонимы *ciało* (в старопольской транскрипции *czalo* или *czyalo*) и *plėć* (ст.-польск. *plecz*). Об архаическом значении слова *mięso* = *ciało* свидетельствует следующий пример из Флорианской псалтыри: *Gen dawa karmǎ wszemv czalv albo massv omni carni Fl. 135, 26*. В этом же значении употреблялось слав. **плѣть*. На семантическую близость мн.ч. *маса* и ед. ч. *плѣть* указывает то, что последнее в старославянской письменности стало принимать форму мн. ч. по аналогии с первым, например, в старославянской и славянорусских текстах: о снѣсти плѣтеи моихъ Син.пс., л 31а 16—17, о снѣсти плѣтии моихъ Панд. Ант. XI в., л 19 Срезневский I, 1001 (в ст.: *зълбовату*).

В.-луж. ед.ч. *mjaso*, по данным катехизиса Варихия 1597 г., обозначает 'тело; плоть', полаб. *mangsie, mangsei* — 'мясо', но также и 'бедро; ляжка', что особенно интересно в связи с русским профессиональным мн.ч. *мясá* 'ляжки борзых' (Даль² II, 374). Уже приведенных примеров достаточно, чтобы заметить, что мн.ч. *маса* в древнеславянских переводах греческих и латинских христианских книг соответствует формам мн.ч. первоисточников: греч. *крéа* и лат. *carnes*. Греч. *крéас* τό 1. Кусок мяса ~ мясо, говядина; 2. Плоть, тело — собственно вещественное значение выражает формами множ. ч. им. п. *крéа*, род. п. атт. *крéоv*, также *крéиoν* и *крéаoν*, дат. п. *крéаси* и *крéεσσiv*, ср. также: *крéа άνάβραστα* 'вареное мясо', *крéа βοόv* 'говядина', в сочетании с числительным: *τρία κρέα* 'три куса (порции) мяса'. В значении 'тело; плоть' славянскому мн.ч. *маса* соответствует также греч. мн.ч. *αί σάρκες* (ед.ч. *σάρξ*). Лат. *caro* м.р. 'мясо; тело; плоть; мякоть плодов' (первоначальное значение слова — 'отрезанный кусок мяса' (тела, плоти): и.-е. *(s)qer- 'резать' (Walde, 133), как можно проследить по тексту Библии, в ед. числе обозначает 'тело; плоть', а в множ. числе *carnes* — вещественное понятие 'мясо'. Соответствующие славянскому мн.ч. *маса* формы множ. ч. в греческом и латинском языках аналогичны по характеру предметно-логического содер-

жания, что объясняет славянскую форму как собирательное множественное. Вместе с тем соответствие форм наводит на мысль, что слав. мн.ч. *маса* может быть грамматической калькой греч. κρέϊ и лат. *carnes*. Однако такое представление не согласуется с широким и устойчивым (до начала XVIII в.) употреблением форм мн.ч. *мяса* в древнерусском старорусском языке за пределами возможного влияния старославянской книжности. Обратимся к историческим фактам русского языка. В Начальной русской летописи Повести временных лет по Лаврентьевскому списку (редакция начала XII в.) слово *мясо* представлено только формами множ. ч. (всего 7 употреблений): *мас не кдуще ни вина пьюще*, л 5 об.; *егда емлют месачину... хлѣбъ, вин и мас* Радз. сп., л 15 об.; *возь по собѣ не возаше. ни котъла ни масъ вара*, л 19, 964; *ω некадены масъ*, л 27 об., 986; *кадахомъ маса лукъ и хлѣбы до сыти*, л 32, 986; *и похвати быка рукою за бокъ и вина кожду съ масы, елико ему рука зака*, л 42 об., 992; *повелѣ пристроити кола. /и/ въскладше хлѣбы, маса, рыбы*, л 43 об., 996; *бываше множество ωт масъ, ωт скота и ωт звѣрины*, л 43 об., 996. Формы ед. ч. на месте более древних форм множественного появляются в более поздних списках (Академическом, Радзивилловском, Троицком) и новых редакциях. В Лаврентьевской и Новгородской первой летописи по Синодальному списку XIV в. (Харатейная) употребляются только формы множ. числа. В более поздней Новгородской первой летописи младшего извода по Комиссионному списку (XV в.) лишь в одном случае из 7 зафиксирована форма ед. ч. В Ипатьевской летописи (1425 г.) на 13 употреблений приходятся 2 формы ед.ч. в заключительных статьях — 1288 и 1289 гг. В дальнейшем старорусские летописи XV — XVI вв. отражают постепенное вытеснение форм множ. ч., замену их формами единственного.

Для целей настоящего обзора форм слова *мясо* особенно важны показания древнерусских грамот и юридических документов и актов, отражающих живую речь народа и не испытавших сколько-нибудь существенного влияния книжно-славянского типа литературного языка. В русской Правде по Новгородской кормчей 1282 г. слово *мясо* отмечено в ед. и во множ. числе: *а масо дати. ѡвнь или польть*, л 621 об. 608—609; *за кормь. и за вологу. и за маса, и за рыбы. ѿ коунъ на недѣлю*, л 625 об. 1037—1039.

В открытых до настоящего времени новгородских берестяных грамотах слово *мясо* отмечено трижды — 2 раза в ед. и в одном случае во множ. ч.: *на мас[ѣх]о* (Грамота № 575, стратиграфическая дата — 70—80-е гг XIII в., найдена на Троицком раскопе)⁶. В старорусской деловой письменности XV—XVI вв. понятие мяса как продукта выражается, как правило, формами ед. ч., но наряду с ними употребляются и формы множ. ч. без каких-либо ощутимых различий в значении. Примеры — из Переписной оброчной книги Шелонской пятины 1498 г. (Новгородская земля): ед. ч. *полоть мяса*, с. 151 и мн. ч. *полишета полти мясь*, с. 145; *8 полоть мяса*, с. 151 и мн. ч. *полишета полти мясь*, там же, с. 109; *а мясь 2 борова*, с. 159; *6 полоть мясь*, с. 186; *4 полти мясь*, с. 187 и др. В количественном отношении формы ед. ч. преобладают. Так, в записях

по Дубровенскому погосту переписной оброчной книги Шелонской пятины 1498 г. из 17 случаев употребления слова *мясо* в 14 случаях отмечена форма ед. ч. и только в 3-х — множ. Но и в дальнейшем, в актовой письменности XVII — начала XVIII вв. встречаются формы множ. ч. в шутливом значении 'туша, часть туши животного, предназначенные в пищу' (при подсчете). Ср. с приведенными ранее по Новгородской земле примеры из таможенных книг Устюга Великого и Тотьмы XVII в.: *Чюхломец... вез на байдаре... свой товар — мяса свиные*. Там. кн. Уст. В. 1633 г., ТКМГ I^а, с. 116; *продал мяса говяжьих и боранья*, там же, с. 582 и др. Форма множ. ч. обычно соотносится с конкретными названиями частей туши — *плоть*, *стяг* и под. Ср., например: (дано) *месникомъ за мяса говяжьья за 111 задовъ по 12 алтын по 2 денги зад*. Приходо-расход. книга 1674 г., с. 254⁹.

Очевидно, что мн.ч. *маса* ст.-рус. *мяса* — это исконно славянская архаическая форма, унаследованная из праязыкового состояния. О происхождении этой формы и характере ее первоначального значения можно судить на основе соответствий в других и.-е. языках: санскр. *māṁśām* ср.р. и *mās-* 'мясо', тох. В *miša*, алб. *mish* ср.р., арм. *mīs*, гот. *mimz* 'мясо' и особенно близких балтийских: лит. диал. (жемайт.) *meisa* ж.р. 'мясо', лтш. арх. *miēsa* ж.р. 'живое тело; плоть', др.-прус. *mensā* то же (< **mensā*).

В эпическом санскрите слово *māṁśā-* образует форму множ. ч. в значении 'тело', 'плоть' (как и слав. мн.ч. *маса*), см. форму вин.п. мн. ч. *māṁśāni* в примерах из Рамаяны и Махабхараты: *Svāni māṁśāni khādanti Rām*. III. 18, 34 'он ест свою плоть'. *Khādantu tama māṁśāni Rām*. IV. 19, 20 'пусть едят мою плоть'. *Khādanto naramāṁśāni pivantaḥ ṣṇitāni ca Mbh*. X. 452 'пожирающие человеческое мясо и испивающие кровь'¹⁰.

Тох. В *miša* 'мясо' относится к именам *pluralia tantum*. Заметим, кстати, что и греч. мн.ч. *κρέα*, лат. мн.ч. *carnes*, др.-слав. *маса* тоже проявляют явную тенденцию к лексикализации в обобщающем значении 'мясо' на основе собирательного множественного 'куски мяса; части туши', о чем свидетельствует их высокая частотность в этом значении. Ср. также аналогичные древнегреческие лексикализованные формы множ. ч. имен вещественных: ἄλας 'соль' (как совокупность мелких частиц, кристаллов соли), ед. ч. ἄλς 'крупинка соли', ξύλα 'дрова' ~ 'бревна, поленья', ед. ч. ξύλον 'полено'; латинское мн. ч. *ligna* 'дрова', ед.ч. *lignum* 'полено' и др.

Ст.-алб. *mish* (определенная форма *mishtë*) 'мясо' в тексте Службника Гьона Бузука (XVI в.) тоже имеет конкретно-предметное значение 'плоть; тело' наряду с вещественным 'мясо'.

Прямые соответствия славянскому мн.ч. *маса*, позволяющие объяснить происхождение этой формы, находим в балтийских языках. В Эльбингском словаре древнерусского языка нач. XIV в. дважды зафиксирована форма *menſo [mensā]* 'тело; мясо', которая получает двойное толкование — как форма ср.р. множ. ч. (Fraenkel, 427) и как форма ж.р. ед. ч. склонения с основой на *-ā (Mažiulis II, 289). Ви-

димо, незадолго до письменной фиксации в балтийских языках происходил процесс падения категории среднего рода, в результате которого древняя форма ср.р. мн.ч. **mensā* могла быть переосмыслена в форму ед.ч. ж. р. на основе вещественного значения, поскольку балтийские основы на **-ā* исторически стали формами ж. р. Действительно, в более поздних памятниках прусского языка (Катехизисах 1545 г. — первом и втором, Катехизисе 1561 г.) формы слова *mensā* при некотором разнообразии в основном укладываются в парадигму склонения ж. р. на **-ā*: ед. ч. — им. п. *mensā*, род. п. *mensas*, вин. п. *mensan*, мн.ч. — род. п. *mensun* (Mažulis II, 289).

О.-балт. **mensā* и слав. мн. ч. ср. р. *męsa*, объединенные генетической общностью, восходят к индоевропейской словообразовательной форме собирательной множественности **memsā*, в которой тематический формант **-ā* является основообразующим суффиксом собирательности. Значение индоевропейской праформы **memsā*, по крайней мере для позднего праязыкового состояния, можно представить следующим образом: 1. Разделанная туша или части туши животного ~ куски мяса; 2. Тело человека как совокупность мягких участков, мускулов и т.п.¹¹. Единичное значение 'кусочек мяса', 'определенная часть туши' выражалось формой с основой на **-ǵ*, которой соответствуют исторически засвидетельствованные формы ср.р.: слав. *męso*, санскр. *māṁśām* и др. Известную аналогию такому соотношению форм составляют греч. (гомер.) мн. ч. *μῆρα* ср. р. 'бедренные части жертвенного животного' (ед. ч. *μῆρός* ὀ 1. Бедро, ляжка. 2. Бедренный сустав) и лат. мн. ч. *membra* 'тело' — к ед. ч. *membrum* ср. р. 'член (тела)'. Греческая форма включает в себе и.-е. **mēs-* (неназализованная согласная основа), ср. санскр. *mās-* ср. р. 'мясо'. Латинская форма восходит к назализованной согласной основе **mēms-*. Таким образом, данные формы отражают два варианта и.-е. основ: **mēs-ro-/*mēms-ro-* (Machek¹, 287).

К семантической характеристике исходной формы как выражающей первоначально предметное значение 'кусочек, отрезок мяса' можно указать ирл. *mír* 'кусочек', обычно отмечаемое в ряду соответствий индоевропейскому **mēs-ro*.

Таким образом, слав. форма мн. ч. ср. р. *маса* восходит к индоевропейскому собирательному имени **mēmsā*. Как теперь окончательно установлено, формы им. — вин. п. мн.ч. имен ср. р. произошли от имен собирательных инактивного (пассивного, большей частью неодушевленного) класса.

Происхождение форм им. — вин. п. ср. р. из первоначальных имен собирательных на **-ā* установил и глубоко исследовал на богатом фактическом материале индоевропейских языков еще 100 лет назад И. Шмидт.¹² Основные положения его концепции с подборкой славянского материала, которым оперировал исследователь, изложены в статье О.Н. Трубачева "Заметки по этимологии и сравнительной грамматике"¹³ в связи с этимологией слав. *сѣра*. Но и спустя 20 лет к ней не лишне возвратиться, потому что классический труд И. Шмидта по-прежнему известен лишь узкому кругу индоевропейцев.

И. Шмидт убедительно доказал, что в индоевропейском языке формой им.п. мн.ч. ср.р. служили имена собирательные ед.ч. на **-ā/ə* (варианты обусловлены характером гласного конца основы), которые в исторический период воспринимались уже как формы мн. ч. ср. р. с окончанием *-a*, а имена существительные мужского и женского рода в им. п. мн.ч. имели подлинные флективные формы, т.е. именно грамматические формы мн.ч., выражавшие значение расчлененной или простой, абстрагированной множественности, но могли принять и собирательную форму ед.ч. на **-ā* для обозначения совокупного множества. Ср., например, греч. мн.ч. *μῦροι* 'отдельные нарезанные куски бедра жертвенного животного' и мн.ч. *μῦρα τά* (Гомер) 'совокупность кусков бедра жертвенного животного' — от ед.ч. *μῦρός ὀ* 'бедро, ляжка'; мн.ч. *δρυοί* и собир. ср. р. *δρυῖά* эпическое (Гомер) 'дубрава, дубовая роща' — от ед.ч. м.р. *δρυῖός*, греч. ед.ч. м.р. *σίτος* 'хлеб' во множ. ч. принимает собирательную форму ср.р. в вещественном значении: *τὰ σίτα, σίτων, σίτους*. Ср. также лат. мн.ч. *loci* 'места' (раздельно) и мн.ч. собир. ср.р. *loca* 'местность как целое' — от ед.ч. м.р. *locus* 'место', лат. *acina* 'гроздь (винограда)' как мн.ч. ср.р. и как ед.ч. ж.р. от ед.ч. м.р. *acinus* 'ягода (бычно виноградная)'.
 И.-е. основообразующий суффикс **-ā* (<**-aH*) оканчивал имена ж.р. ед.ч. собирательных и отвлеченных значений, например, греч. родоплеменные названия **φυλά* и **φράτρᾱ*. Как установил И. Шмидт, греч. эпическое ион. **φράτρᾱ* 'фратрия, колено' соответствует форме множ. ч. к скр. *bhrātrám* ср. р. 'братство'. Равным образом лат. *terra* ж.р. 'земля; страна; край' является собирательной формой по отношению к оск. *terum* 'огороженный участок земли' и т.д. Среди примеров И. Шмидта находятся и славянские: ст.-слав. *слама* ж.р. 'солома' — собир. к лтш. *salms* 'соломина', нем. *Helm*, греч. *κόλακος* 'тростник', лат. *cultmus* м. р. 'стебель, соломина', слав. *зима*, ж.р. вместе с санскр. *híma-* 'снег', лит. *žiemà* 'зима' — собир. к санскр. *hímá-s* м.р. 'холод', слав. *слава*, ж.р. соотносится как собир. форма с слав. слово ср.р., греч. *κλέος* ср. р. 'молва, слава', др.-инд. *çravah* то же, ст.-слав. *сръда* — собир. к и.-е. **kērd-* (скр. *hṛd* ср. р. 'сердце', греч. *κῆρ* ср. р., лат. *cord-*, др.-прус. *seyr* [*sēr*] то же), слав. *юха* 'уха; похлебка' — собир. к санскр. *yūṣ-* м., ср.р. 'отвар; бульон; соус', лат. *jūs* ср. р. 'похлебка; суп; подливка', ст.-слав. *яра* ж. р. 'весна' собир. к гот. *jēr* ср. р. 'год'. Аналогично соотносятся слав. *жза*, ж.р. ед.ч. — лат. *angōs*, санскр. *āthas*, слав. *спина* — лат. *spinum* ср. р. Таким образом, праславянские имена ж.р. ед.ч. на **-ā*, соотносительные с и.-е. именами ср., отчасти, м.р., являются именами собирательными по происхождению. К собирательным наряду с указанными формами ед.ч. ж.р. И. Шмидт возводит имена *pluralia tantum* кола 'повозка; воз' (ед.ч. коло 'колесо') и врата, которые в новое время в болгарском и македонском языках трансформированы в формы ед.ч. ж.р. в условиях утраты падежной парадигмы.

Следует заметить, что сингуляризация данных форм сама по себе не может быть основанием для того, чтобы объединить в одном словообразовательном типе имена pl. t. ср.р. и собирательные ед.ч. ж.р.

Основанием для этого служит общность или единство их происхождения.

И. Шмидт считал собирательные на *-ā в грамматическом отношении формами ед. ч. ж. р. Но это положение относится к позднему этапу развития праязыка, к эпохе развитого флектизма. Происхождение же и.-е. словообразовательного типа собирательной множественности на *-ā уходит в древнейшее, дофлективное состояние праязыка. И.М. Тронский писал, что "мы имеем все основания доводить дальнюю реконструкцию до эпохи, предшествующей возникновению флексии".¹⁴ В другой своей работе он утверждает, что „множественность, выражаемая в индоевропейских языках одной лишь флексией, — сравнительно молодая категория, которой в дофлективном состоянии индоевропейских языков могла предшествовать только собирательность”¹⁵. Именно к такого рода собирательным относятся и.-е. словообразовательные формы на *-ā, соотносительные, как показал И. Шмидт, главным образом, с основами ср.р.

Флексия возникла для выражения субъектно-объектных отношений в предложении или, может быть, для различения активной и пассивной позиции предметов, и, следовательно, флексия имела первоначально иные функции. К выражению количественных противопоставлений она была приспособлена позже, причем сначала в номинальном классе активных предметов. Отсутствие грамматических форм мн.ч. восполнялось в этот период словообразовательными средствами выражения множественности — именами собирательными. Современная категория мужского, женского и среднего рода тоже связана с оформлением флексии. Грамматическому роду в праязыке предшествовала номинальная классификация, различавшая имена двух классов — активного и пассивного. Собирательные формы на *-ā функционировали в качестве средства выражения совокупной множественности в классе пассивных предметов, составившем в дальнейшем основу среднего рода.

Таким образом, если отнести происхождение форм собирательности на *-ā в дофлективный период индоевропейского языка, то их можно интерпретировать следующим образом. Прежде всего это были дородовые словообразовательные формы. Выражая первоначально совокупно мыслимую множественность неодушевленных предметов и отвлеченных понятий, они не имели грамматического (формально выраженного) значения ни ед., ни мн. ч., т.е. вообще не были оформлены в числе. В дальнейшем имена собирательные на *-ā, функционировавшие в качестве лексического (словообразовательного) средства выражения множественности, были осмыслены как собственно грамматические формы мн.ч. ср.р. им.-вин.п. (на базе вещного класса) в связи с формированием словоизменительной парадигмы форм ед. и мн. ч., а те из них, которые выражали целостные предметные и вещественные понятия, как, например, *земля, слама* и под., утратив значение множественности, стали формами ед.ч. ж.р. подобно основной массе имен существительных на -a.

К настоящему времени в духе концепции И. Шмидта этимологизированы общеслав. *укра*, ж.р. от **ǵkrb* как этимологическое мно-

жественное число ср.р., трансформированное в форму ед.ч. ж.р. (ЭССЯ 8, 219),¹⁶ праслав. **zěra* (др.-рус. *сѣра*) — собир. по отношению к лат. *serum* ср. р. 'сыворотка', ст.-слав. *дара* ж.р. 'милость' (Супр. р.) как соответствующее греч. мн.ч. ср.р. *δῶρα* от ед.ч. *δῶρον* ср.р. 'дар; подарок' (ЭССЯ 4, 189). Эти факты не исчерпывают лексический фонд данного типа в праславянском языке. К этому ряду можно прибавить еще несколько примеров: Праслав **mъzda* ж.р. 'оплата; награда' (ст.-слав. и др.-рус. *мъзда*, болг. *мъзда*, чеш. *mzda* и др.) имеет прямое соответствие в гот. *mizdō* ж.р. то же и может быть представлено как собирательная форма к и.-е. основе на *-*ǵ*, которая отражена в санскр. *mīḍhām* ср. р. 'вознаграждение, плата' (*ǵ* предполагает предшествующее церебральное *s* : *sd*), авест. *mīždəm* 'награда, выигрши', греч. *μισθός* м.р. 'плата, жалованье, мзда'.

Праслав. **pelva* ж.р. 'мякина, полова' (ст.-слав. *плѣва*, но обычно мн.ч. *плѣвы*, ст.-чеш. мн.ч. *plevu*, ед. ч. *pleva*, словац. *pleva*, ст.-польск. мн.ч. *plewu*, ед.ч. *plewa*, в.-луж. мн.ч. *pluwu*, н.-луж. мн.ч. *plōwi* (Hauptmann), полаб. мн.ч. *plavāi*, *plavōi*, болг. *плѣва*, с.-хорв. мн.ч. *плѣве* и ед.ч. *плѣва*, словен. мн.ч. *pleve* и ед.ч. *plēva* 'мякина, полова, выевки', др.-рус. мн.ч. *половы*, ед.ч. *полова*, диал. *пелева* и *пелѣва* 'шелуха') ближайше родственно др.-прусс. *pelwo* [*pelvā*] ж.р. 'мякина' и наряду с др.-рус. мн.ч. *пелы*, зафиксированном в письменности в тв.п. мн.ч. *пельми*, соответствует др.-лит. *pēlūs* то же, лтш. *peļus* то же, мн.ч. *peļavas*, *peļēvas* 'мякина, полова' и далее др.-инд. мн. ч. *palāvāh* м.р. 'мякина', лат. *palea* (< **palēva*) то же. Образовано от основы **peleu-*, заключающей в себе глагольный корень **pel-/*pol-* 'покрывать, обволакивать', прибавлением суффикса собирательности *-*ā*.

Праслав. **pěna* (ст.-слав. и др.-рус. мн.ч. *пѣны*, ед.ч. (редко) *пѣна*, с.-хорв. *njena* и далм. *snjena*, чеш. *pěna*, словац. мн.ч. *peny*, ед.ч. *pena*, польск. *piana* и др.) связано ближайшим родством и соответствием с др.-прусс. *sroauno* ж.р. 'пена бродящего пива' (из общебалт. **spdinā*) и лит. *spāinė* 'полоса пены' (Куршат), *spānė* то же) образовано от основы *(*s*)*poi-n/m-ǵ-*, в которой глагольный корень распространено основообразующим согласным *n/m*. *(*s*)*poi-nā* — собирательное на *-*ā* по отношению к форме, отраженной в скр. *phēnas* м.р. 'пена, накипь'.

К словообразовательному типу собирательности имен инактивного класса восходят также следующие имена pl. t.: праслав. **drъva* (< **drūvā*) ср.р. 'поленья' ~ 'дрова', ср.лит. собир. *dervā* ж.р. 'смолистая сосновая щепка, смолье; смола'; праслав. **usta* ср.р. 'рот', известное во всех славянских языках только во мн.ч., но в новое время осмысленное в болгарском и македонском как форма ед.ч. ж.р., форма ед.ч. *усто* употреблялась еще в древнесербском языке. Слав. мн.ч. **usta* имеет ближайшее соответствие в др.-прусс. *austo* ж.р. то же и может быть соотнесено как собир. с вед. *ḍṣṭhas* м.р. 'губа', авест. *aoṣta-* м.р. то же. Собирательным по происхождению является древнее славянское название легких: ст.-слав. *плюшта*, др.-рус. *плюча*, польск. *phuca*, словац. *pl'úca*, с.-хорв. *плућа*, словен. *pljúca* и др., употребляемые преимущественно во мн.ч. Ср. балтийские соответствия мн.ч.: лит. *plaučiai* 'легкие', лтш. *plaušas* то же. Др.-прусс.

plauti, по определению В. Мажюлиса, является именем собирательным ед.ч. ж.р. (*Mažiulis* II, 303). В этот ряд плюралей, по происхождению имен собирательных ср.р., входит и слав. мн.ч. **męsa*. Замечательно то, что эта форма вышла непосредственно из праиндоевропейского языкового состояния и, следовательно, генетически она представляет отношения, которые предшествовали формированию собственно грамматической (словоизменяющей) категории числа.

В связи с этим получает свое объяснение (тоже как форма собирательной множественности в прошлом) ст.-слав. мн.ч. *жельза* в следующем примере: и жельза сковрады макчайша сжъ твоего срьдъца Супр.р. 118. 20. Этой форме соответствует др.-прусс. *gelso* [*gelzā*] ж.р. 'железо' (*Mažiulis* II, 269).

По мере того, как в истории славянских языков архаические отношения перестраивались, мн.ч. *męsa* в вещественном значении было вытеснено формами ед.ч., но кое-где остатки форм мн.ч. лексикализировались или получили стилистические функции, например, болг. мн.ч. *меса* в значении 'обнаженные участки тела, голое тело; телеса': (Тело) *испокъсано страшно, така щото се виждаху голите меса на скитника* (И. Вазов. Под игото). Это свидетельствует о том, что функции языка так богаты и многообразны, что языковая система удерживает и находит новое применение выпадающим из нее архаическим формам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Žilinská kniha* (1473). Vydal V. Chaloupecký. Br., 1934.

² *Žaltář Klementinský* z I. pol. 14. stol. Vydal A. Patera. Praha, 1890.

³ *Žaltář Kapitulní* (z konce 14. stol.): Der altschechische Kapitelsalter. Einleitung, Text mit kritischen Anmerkungen, Wörterbuch. Von E. Rippl. Prag, 1928.

⁴ *Žaltář Wittenberský*, rkp. z I. pol. 14. stol. K tisku připravil J. Gebauer. V Praze, 1880.

⁵ *Psalterz Florianiski* (w. XIV): Psalterii Florianensis partem Polonicam ad fidem codicis recensuit ... Wl. Nehring. Posnaniae, 1883.

⁶ *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977—1983 годов): Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986. 41.

⁷ Новгородские писцовые книги, изданные Археологической комиссией. Т. IV. Переписные оброчные книги Шелонской пятины. I. 1498 г.; II. 1539 г.; III., 1552—1553 гг. Спб., 1886.

⁸ Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. I—III. М.; Л., 1950—1951.

⁹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией Т. 23. Спб., 1904. 254.

¹⁰ *Шерль В.И.* Синтаксис древнеиндийского языка. I. О согласовании частей речи, об употреблении чисел и падежей. Харьков, 1883, 7.

¹¹ *Этимологию и.-с. *tēt-s-ō > слав. *tęzo* см. в соч.: *Трубачев О.Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // *Этимология*. 1970. М., 1972. 13—14.

¹² *Schmidt J.* Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar. 1889.

¹³ *Трубачев О.Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // *Этимология*. 1968. М., 1971. 55—58.

¹⁴ *Тронский И.М.* Обширноиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967, 50.

¹⁵ *Он же.* К семантике множественного числа в греческом и латинском языках // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. Вып. 10, 1946, 62.

¹⁶ Раньше см.: *Stenbock, C.-M.* Zur Kollektivbildung im Slavischen. // *Årsskrift, Uppsala Universitets*, 1906.